

одно время съ Ч., то можетъ быть elle aurait neutralisé son effet ¹²⁾, и по крайней мѣрѣ правительство бы увидѣло, что на одного сумасшедшаго есть тоже человѣкъ по крайней мѣрѣ несумасшедшій. Теперь уже поздно. И досадно, и грустно!

17 Ноября 1836.

Спб.

.... Вяземскій хочетъ здѣсь издать Сѣверные Цвѣты; кажется, будетъ не дурна книжка.

4.

.... Что надѣлалъ Надеждинъ? Какъ до такой степени не знать своего дѣла? Виноватъ одинъ, а естественно падаетъ на всѣхъ; ни въ чью душу не взлѣзешь, и неосторожность легко смѣшиваютъ съ злонамѣренностію. Здѣсь объ этомъ такой трезвонъ по гостиннымъ, что ужасъ; и что всего досаднѣе, вступиться нельзя: явная глупость въ самой статьѣ, а еще бѣлая въ напечатаніи оной. Ясно вижу, хотя и не понимаю отъ чего, журнала въ Москвѣ издавать нельзя: у васъ Москвичей такое незнаніе о томъ, что дѣлается на Руси! Такое незнаніе струнъ, которыхъ нельзя трогать! Вздора ваши цензоры не пропускаютъ и задумываются на самой невинной фразѣ, а вдругъ брякнуть торжественно, что мы должны быть подданными Папы! Сами вы, господа, тиснули недавно, что человѣчество не происходитъ отъ Адама. Какъ вамъ не бросилось это въ глаза? Горе да и только! Продавайте Наблюдатель Плюшару; вотъ все, что вамъ остается дѣлать, и да не будетъ въ Москвѣ ни одного журнала, по крайней мѣрѣ мы не будемъ трепетать за васъ при полученіи каждой книжки.

Прощайте. Горько жить на семь свѣтѣ.

30 Декабря 1836.

Успокой семейство Н. Я не думаю, чтобъ онъ лично пострадалъ, но нагоняй будетъ, какъ видно по общему мнѣнію, порядочный. Всѣхъ издателей собирали въ Комитетъ, чтобъ имъ объявить о запрещеніи Телескопа ¹³⁾.

У. м. и. глинки.

1.

Неаполь, 10 Ноября 1831.

До меня дошли дурныя вѣсти, милый другъ мой: говорятъ, что ты оставляешь Италію, и скоро. Неужели я болѣе не увижусь съ тобою до возвращенія въ Россію? Ужели счастливые дни, проведенные съ тобою въ Римѣ, не возобновятся болѣе? Твоя дружба такъ разогрѣла мое почти охладѣвшее сердце, что я снова воскресъ для изящныхъ и высокихъ впечатлѣній. Здѣсь же снова начинаю погружаться

¹²⁾ Она бы ослабила дѣйствіе статьи Чадаева.

¹³⁾ Самъ князь Одоевскій, служа при графѣ Блудовѣ, участвовалъ въ составленіи Цензурнаго Устава 1828 года, того Устава, про который И. В. Кирѣевскій выразился, что плодотворное значеніе его важнѣе нашихъ тогдашнихъ завоеваній въ Турціи (см. Сочиненія И. В. Кирѣевскаго, I, стр. 19). Уставъ этотъ впоследствии былъ совершенно искаженъ.

въ равнодушіе ко всему, даже къ прелестямъ самой природы; ибо здѣсь не съ кѣмъ подѣлиться чувствами. Если бы не княгиня Софья Григорьевна Волконская ¹⁴⁾, которая приняла насъ подъ свое покровительство, мы бы, кажется, погибли въ этомъ огромномъ чуждомъ для насъ городѣ. Здѣсь все на этикетѣ. Признаюсь, что Неаполь, не смотря на чудесную красоту мѣстоположенія, мнѣ *antipatico*, отчасти по нѣкоторому сходству съ ненавистнымъ мнѣ Петербургомъ, отчасти и потому, что я въ немъ нахожу мало Итальянскаго.

Твой на вѣки
М. Глинка.

2.

Неаполь, 22 Ноября (1831).

Не думай, чтобы сердце мое было столь же легко, сколько голова. Нѣтъ, другъ мой, я надѣюсь быть способнымъ къ истинной дружбѣ. Ты не повѣришь, какое сильное впечатлѣніе оставила эпоха нашего свиданія въ Римѣ. Твой скоростижный отъѣздъ похищаетъ у меня любимую мечту; я здѣсь въ Неаполѣ жилъ токмо ею, ибо здѣсь мнѣ очень, очень грустно. Не знаю почему, но мнѣ все кажется, что я въ Петербургѣ. Стройный видъ чисто окрашенныхъ домовъ, множество мундировъ (къ которымъ глазъ мой никакъ не хочетъ привыкнуть), сильно напоминаютъ мнѣ ненавистную для меня сѣверную столицу нашу, гдѣ я страдалъ столько времени. Въ продолженіе моего путешествія я не встрѣчалъ еще мѣста, которое бы для меня было противнѣе Неаполя. Невѣжество и этикетъ—вотъ характеристика здѣшняго и иностраннаго общества. Къ тому же ни въ лицахъ, ни въ языкѣ я не встрѣчаю Итальянскаго типа.

Въ добавокъ ко всему этому и самый климатъ Неаполя, столь благодѣтельный для большей части страдальцевъ, сюда съѣзжающихся, едвали будетъ для меня полезенъ. До сихъ поръ я не могу привыкнуть къ здѣшнему электрико-сѣрному воздуху; онъ такъ сильно дѣйствуетъ на мои нервы, что я съ самаго сюда пріѣзда не спалъ почти ни одной ночи и, сколько мнѣ то извѣстно по опыту, едвали буду въ состояніи привыкнуть. Съ самаго дѣтства, а особенно послѣ претерпѣнныхъ мною сильныхъ недуговъ, нервы мои столь чувствительны къ дѣйствию электричества, что въ ясную лѣтнюю погоду даже въ Россіи безсонница доводила меня до сильнѣйшихъ спазмъ. Я почти увѣренъ, что мнѣ доведется разстаться съ Неаполемъ.

Единственной для меня отрадой служатъ прогулки въ Виллѣ и окрестностяхъ города. Я намѣренъ все осмотрѣть здѣсь, чтобы послѣ, въ случаѣ отъѣзда, не пенять на себя. Время мнѣ благопріятствуетъ, и теплая погода, изрѣдка токмо прерываемая дождями, не позволяетъ думать, чтобы теперь была уже зима. Въ самомъ дѣлѣ Неаполь долженъ быть раемъ для того, кто можетъ обитать въ немъ съ милыми сердцу. Ивановъ тебѣ усердно кланяется.

IV. А. А. ИВАНОВА.

....Радѣя къ возможному распространенію славы господина Бруни, мы, художники, предъ отъѣздомъ его изъ Рима (что было 31 Апрѣля) предложили ему напечатать въ какомъ либо изъ отечественныхъ

¹⁴⁾ Супруга министра двора и сестра декабриста князя С. Г. Волконскаго